

— Распродажа! Грандиозная распродажа! Не проходите мимо, такой шанс упускать нельзя! Не хотите покупать — не беда, просто посмотрите! Цены ниже некуда, отдаем за бесценок, почти даром!

Ленивый голос, выкрикивающий странные призывы, доносился из бумажных фигурок, разложенных перед лотком. Это привлекало внимание прохожих: грубоватых мужланов, ученых, знатных дам и простых горожанок. А сам хозяин лавки полулежал в тени дерева, прикрыв лицо старой потрепанной шляпой — то ли спал, то ли просто отдыхал.

Продавец тофу по соседству не удержался и зашептался с торговцем лапшой:

— Что он такое несет? Половину слов и не разобрать.

— Да уж, странно. Хотя, признаться, хоть и непонятно, но почему-то из головы не выходит.

— Эй, ты видел тех бумажных человечков? Похоже, этот парень промышляет какими-то темными делишками.

— Это называется совершенствованием, бестолочь!

К прилавку подошел юноша в синем халате. Заложив одну руку за спину, другой он лениво помахивал веером:

— Позвольте узнать, сколько стоит эта заколка?

Услышав голос, хозяин лавки сдвинул шляпу, не спеша потянулся, а затем, улыбаясь, подошел к покупателю, сохранив на лице все то же выражение праздности.

Окружающие невольно замерли.

Словно выточенный из нефрита, он обладал утонченной, почти писаной красотой. На нем был светло-чернильный халат, подпоясанный широким золотым кушаком с вышитым облачным узором, а на ногах — добротные черные сапоги. Еще мгновение назад он выглядел как бездельник, валяющийся под деревом, но стоило ему подняться, как проявилась грация истинного мастера: казалось, даже легкое движение его рукавов пропитано духом бессмертных.

Однако, несмотря на образ, сошедший с картины, стоило ему открыть рот, как слышались одни насмешки:

— Те, что слева, по десять лянов, те, что справа — по двадцать. Какая приглянулась господину?

— Так дорого? — Юноша в синем опешил и недовольно нахмурился.

— Господин, вы ведь для возлюбленной выбираете? Разве можно жалеть денег на подарок для сердца своего? — Бай Ван лукаво подмигнул.

Покупатель запнулся, на его лице отразилось сомнение.

— Ладно, вижу, вы человек искренний, отдам вам эту заколку за пятнадцать лянов, идет? — Бай Ван понизил голос и наклонился ближе, всем своим видом показывая, что делает огромное одолжение и просит никому об этом не рассказывать, ведь он остается в большом убытке.

Юноша в синем выложил пятнадцать лянов, забрал заколку и довольный удалился.

Бай Ван спрятал деньги с выражением лица, означавшим: «как легко с такими иметь дело». Он уже собрался вернуться под дерево, как к прилавку подошла знатная дама. Прикрыв лицо круглым веером, она тихо спросила:

— А сколько стоят эти румяна?

— Один лян, — Бай Ван лениво поднял один палец.

???

Те, кто наблюдал за сценой со стороны, лишились дара речи. Разве предыдущую заколку он не продал минимум за десять?

— Кто это вообще такой? Разве так ведут дела? — зашептались люди.

— Эй, я знаю его, это же молодой господин Бай из Павильона Ланьтин!

— Молодой господин Бай? Постойте, Павильон Ланьтин — это ведь... то самое место?

— Ой, ты отстал от жизни! Раньше Павильон Ланьтин, может, и был значным местом, но теперь там строгие правила: без взаимного согласия в комнаты никого не пускают. Девушки там занимаются музыкой, шахматами, каллиграфией и живописью, развлекают гостей стихами. Раньше там была грязь, а теперь — сплошное изящество! Многих литераторов привлекает!

— Невероятно.

— Говорят, это всё идеи того самого господина Бая.

— Ишь ты, смелая и необычная затея.

Пока прохожие судачили, Бай Ван уже распродал все безделушки. Его тонкие пальцы сплелись в жесте, шумные бумажные человечки разом умолкли и послушно влетели в его широкий рукав.

Напевая фальшивую мелодию, Бай Ван прихватил две связки леденцов на палочке — одну сразу начал грызть, другую спрятал за пазуху — и, играючи, направился к Павильону Ланьтин.

Хотя внутри стало намного приличнее, чем пару лет назад, отовсюду все еще доносился звонкий смех и музыка.

Стоило Бай Вану войти, как одна из красавиц усмехнулась:

— А-Ван, опять ходил продавать то, что девчонки на досуге наделали? Не боишься, что люди узнают, чьих это рук дело, и побрезгуют?

— Что за глупости про брезгливость? Разве вещи делятся на знатные и низкие? — Бай Ван притворно нахмурился.

— Ой, посмотрите на него, А-Ван терпеть не может таких слов, — рассмеялась другая девушка, подталкивая подругу.

— Моя вина, моя вина, сама себя накажу, — весело отмахнулась красавица.

Бай Ван хотел было что-то добавить, как вдруг с верхнего этажа донеслись крики. Все внизу замерли, а Бай Ван уже бросился вверх по лестнице.

Очевидно, кто-то из гостей устроил скандал.

— Я деньги заплатил! Что значит нельзя остаться наедине! — доносился яростный рев.

— Господин, у нас свои правила. Раз уж Цинцин не желает делить с вами ложе, вы не можете запереться с ней в комнате. Вы можете играть на цитре или читать стихи в главном зале...

— Ха! — средних лет мужчина в роскошных одеждах с большим животом насмешливо фыркнул. Рядом с ним девушка в синем пряталась за спину другой, в фиолетовом, на ее глазах блестели слезы. — Смешно! Куртизанки выбирают клиентов? Вы, ваш павильон... а!

Мужчина не успел договорить: ворвавшийся в комнату Бай Ван с размаху ударил его ногой, и тот, потеряв равновесие, рухнул на пол.

— Ты! — мужчина яростно уставился на него.

— Извиняйся, — Бай Ван присел перед ним, растянув губы в зловещей улыбке.

— Ты! Ты хоть знаешь, кто я такой? — взревел мужчина.

— А ты знаешь, кто я такой? — парировал Бай Ван.

Мужчина опешил. Он был купцом из Цзяннани, приехал по делам и, прослышав о славе Павильона Ланьтин, решил заглянуть, но здешние правила — когда даже за руку девушку не возьмешь — привели его в ярость.

— Ты... да кто ты такой! — с долей сомнения спросил он.

— Ты даже не знаешь, кто я, а я с чего должен знать, кто ты? — Бай Ван закатил глаза. — Извиняйся.

— Я... — мужчина попытался было упрямиться, но внезапно вздрогнул: к его горлу был приставлен острый нож.

Несмотря на смертельную опасность, парень продолжал улыбаться.

— Ты... — нож чуть надавил, на шее выступила капля крови, и мужчина сдался: — Ладно,

ладно, прошу прощения! Был неправ! Убери нож!

Бай Ван убрал лезвие и, ухватив мужчину за одежду, с неожиданной для его худощавого телосложения силой проволока его до самого выхода и вышвырнул вон.

— Не провожаю, больше не приходите, — с прищуром бросил он.

— А-Ван, А-Ван, — девушка в фиолетовом спустилась следом и, подбоченившись, начала отчитывать его: — Посмотри на себя, разве нельзя было решить все миром?

— С такими людьми говорить не о чем, — Бай Ван отряхнул руки, словно стряхивая пыль. — Цинцин в порядке?

— Да, но впредь будь сдержаннее! — хоть Цзы Янь и знала, что его не переубедить, не смогла промолчать.

— В павильоне я единственный мужчина, если я не буду жестким, то кто? — Бай Ван продолжал улыбаться. Вдруг вспомнив что-то, он выудил из-за пазухи кошель и бросил его Цзы Янь: — Вот, выручка с сегодняшней торговли. Как там Ин'эр? Пойду провожаю ее.

— Еще не оправилась, кто знает, какая зараза к ней прицепилась, — Цзы Янь вздохнула, принимая увесистый кошель, и замерла — опять столько заработал? Когда она подняла глаза, Бай Вана уже и след простыл.

В самом дальнем флигеле на кровати лежала пятнадцатилетняя девочка. Она смотрела в потолок пустыми глазами.

Дверь со скрипом отворилась, девочка с трудом повернула голову и, увидев гостя, просияла, а на ее бледных щеках появился слабый румянец:

— Брат А-Ван.

Бай Ван помог ей сесть и достал из-за пазухи леденец:

— Держи, ешь тайком, сестрице Цзы Янь не говори.

— Угу, — девочка счастливо кивнула и принялась бережно грызть угощение.

— Все еще думаешь о сестре? — тихо спросил Бай Ван, присев на край кровати.

Глаза Ин'эр потускнели, но тут же на ее голову легла теплая ладонь.

Бай Ван улыбнулся и взъерошил ее волосы:

— Я слышал, тот негодяй, что навредил твоей сестре, на днях скончался в муках!

Ин'эр вздрогнула, ее глаза загорелись:

— Правда?

— Конечно, разве брат А-Ван когда-нибудь тебя обманывал? — он улыбнулся и убрал руку.

Бледность на лице Ин'эр исчезла, в глазах появился блеск, и казалось, ей стало гораздо лучше. Она опустила голову, доедая леденец, и прошептала:

— Брат А-Ван, расскажи мне историю, пожалуйста? Я хочу ту, про принцессу, которая потеряла туфельку.

— Хорошо! — Бай Ван развернулся и начал рассказывать, активно жестикулируя и разыгрывая сценки, отчего Ин'эр заливалась звонким смехом.

— А что такое хрустальная туфелька? — вдруг спросила она.

— Ну... это... — Бай Ван задумался. — Знаешь, что такое глазурь? Вот туфелька из глазури.

— Ух ты, а в ней можно ходить? — пробормотала Ин'эр, а затем подняла глаза: — Брат А-Ван знает так много историй, это тетушка Бай тебе их рассказывала?

— Нет-нет, я прочитал их в книгах, когда жил в родном доме.

— Врешь, — Ин'эр надула губы. — Я спрашивала сестрицу Цзы Янь, тетушка Бай после твоего рождения никуда из павильона не выходила. Какой еще родной дом?

— Хи-хи, веришь — значит правда, сомневаешься — значит ложь, — Бай Ван скрестил руки на груди и, закинув ногу на ногу, небрежно ответил.

Ин'эр хотела что-то еще сказать, но снаружи послышался шум, кто-то звал:

— А-Ван! А-Ван!

— Иду! — Бай Ван потрепал Ин'эр по голове и поспешил к выходу. — Что случилось?

— Люди семьи Чжао снова пришли с угрозами! — женщина у двери топнула ногой, но Бай Ван уже пронесся мимо нее.

— Помедленнее, А-Ван, не упади! — крикнула она, но его след уже простыл.

В главном зале слышался грохот разбиваемой мебели и яростная брань. Гости давно разбежались. Десятки красавиц, разгневанные и прекрасные, стояли перед группой слуг семьи Чжао в серых одеждах. Главарь, рослый мужчина под два метра ростом с суровым лицом, только что перевернул стол.

— Чжао Да, не переходи границы! — воскликнула та самая красавица, с которой Бай Ван шутил ранее. Обычно в таких случаях вперед выходила Цзы Янь, но сейчас ее не было, и девушка знала, что нельзя показывать страх. — В прошлый раз А-Ван вышвырнул вас отсюда, чего вы опять приперлись?

Лицо Чжао Да пошло пятнами:

— Это все его колдовство! Слушайте сюда: смерть нашего второго молодого господина Чжао наверняка связана с вашим павильоном! Старый господин Чжао требует объяснений, иначе я сожгу эту дыру дотла! Тьфу!

Красавица холодно усмехнулась:

— Слышала, ваш второй господин умер, будучи весь переломанным, с вывернутыми жилами. У наших сестер нет таких навыков.

— У вас нет, а вот у того щенка Бая — вполне возможно, — прорычал Чжао Да.

Если до этого было просто противостояние, то слово «щенок» переполнило чашу терпения. Девушка изменилась в лице и отрезала:

— Псина, служащая хозяину! Посмотри на себя в зеркало! Смеешь оскорблять нашего А-Вана? Кто тебе позволил так разевать рот!

— Сын шлю... — Чжао Да хотел было продолжить, как вдруг на его лбу оказалась белая бумажка. Он мгновенно оцепенел, вытянулся во фрунт и застыл, словно деревянный чурбан.

— Ай-ай, нельзя же так лаять на девушек, — раздался насмешливый голос из глубины павильона. Все подняли головы и увидели Бай Вана, неспешно идущего к ним с руками за спиной.

— А-Ван! — просияла красавица.

— Я здесь, — Бай Ван подошел к ней и ободряюще улыбнулся.

— Чжао Да! Чжао Да! — слуги окружили главаря, трясли его, но тот стоял неподвижно, как статуя, и лишь глаза, полные ужаса, отчаянно вращались.

— Щенок, какой дряни ты его научил?! Говорю тебе, старый господин Чжао пригласил сегодня важную персону! Если хочешь жить — немедленно сними заклятье с Чжао Да!

«Дрянь», — подумал Бай Ван, едва сдерживая смех. Это же базовая техника управления бумажными куклами секты Цинсуй Цзюсяо, которой старшие наказывают младших, а для них это «дрянь».

— О, и кого же вы пригласили? — лениво поинтересовался Бай Ван, разворачиваясь.

В этот момент в дверях показался человек.

Снежно-белые волосы, словно хлопья инея, падали на плечи, окутывая фигуру, подобно танцующим снежинкам.

Бай Ван на мгновение погрузился в воспоминания о прошлой жизни.

Он тогда точно так же обернулся, чтобы посмотреть на него... Один взгляд — и целая жизнь, проведенная бок о бок, вплоть до самой смерти. Все было напрасно.